

УРЫ

Скрип красной мельницы
в Малом Манеже

Веч. выд. - 1999 - 10 июля - с 7

ПУТЬ

З Е Р Н А

Выставка «Жернова истории».
Малый Манеж

В конце века итоги не подводит только ленивый; есть пристойный повод задуматься как о себе, так и о душе, к чему располагает, в частности, призрачная перспектива в очередной раз прогнозируемого Апокалипсиса. Такого рода мысли поневоле объединяют. Попытка слепить эрзац некой консолидирующей национальной идеи под сурдинку 200-летия А. С. не удалась и имела эффект скорее обратный. Между тем на очереди — новая кампания по достойным проходам тысячелетия, и выставка «Жернова истории» — лишь один из первых кирпичиков в кладке.

Открывшаяся в Малом Манеже выставка (продлится до 15 июля) соединила в одном флаконе две или даже три выставки. Во-первых, это взгляд на Россию XX столетия через объектив фотокамеры — «100 фотографий за 100 лет», как гордо сказал президент фотогалереи «Русское поле» Владимир Сумовский (галерея вообще-то выставила 98 работ, но отбросим педантизм). Во-вторых, это персональная выставка грузинского художника Иосифа Самсонадзе (1934–1993): как говорят организаторы «Жерновов» (куратор выставки — дочь художника Нина Самсонадзе), в его работах — попытка философского осмысления все того же XX века. В-третьих, в зале — несколько живописных работ московских подростков, больных церебральным параличом. Как видите, и благотворительность на выставке не забыта.

Есть еще и «в-четвертых», которое, может, надо было упомянуть как пункт № 1: каждого входящего в выставочный зал благословляющим жестом встречает скульптура Зураба Церетели «Святая Нино». Нино благословляет посетителей, а сам Зураб Константинович благословил благородную идею организаторов выставки, за что они его в день вернисажа благодарили неоднократно и горячо.

Про работы Самсонадзе в каталоге написано так: «В творчестве художника соединяются изящество персидских миниатюр, благородная строгость композиций эпохи Возрождения, грузинская декоративность и метафизическая зашифрованность симво-

лов». Иосиф Самсонадзе — действительно, очень восточный, очень грузинский художник. Его работы экспрессивны и многозначительны, как грузинские тосты. Те, кто любит на выставках читать подписи к картинам, то и дело нагибались, чтобы прочесть: «Не увидевшие пути к свету шли долиной смерти», «Апокалипсис», «Что тебя ожидает?», «Слепцы»... Экспрессивные и несколько напыщенные названия работ Самсонадзе хорошо перекликаются с нарочито сухими подписями к фотографиям, запечатлевшим Россию. Часто под этими черно-белыми документами написано просто «Без названия». Или стоит незамысловатое пояснение: «Ремонт миноносца «Выносливый», пострадавшего в битве с японской эскадрой», «Немецкая оккупация на Украине». Работы Иосифа Самсонадзе и Зураба Церетели заняли центр зала, а Россия уходящего века в черно-белом исполнении распределена по стенкам Малого Манежа, что правильно: собственно, там, у стенки, она последние сто лет и простояла.

Фотовыставка самоценна. «Православие, самодержавие, народность» — так можно было бы назвать ее. Вот вам российское самодержавие: фотобумага бесстрастно фиксирует, как страна пышно празднует 300-летие Дома Романовых, а, пройдя по залу несколько метров, увидишь на другом снимке покотившуюся голову памятника Александру III. Вот православие: священник благословляет солдат, уходящих на битву с германцами, а рядом — низвергаемые купола или (это уже снимок 80-х годов) одинокий священник в поруганном, запустевшем храме. И народ, народ, народ... Народ на войне, народ на стройках, счастливый народ, марширующий по Красной площади, несчастный народ, пропивающий последнюю рубаху.

Вот жуткое, лишенное не то что женских, но и человеческих черт вообще лицо безымянной Кузнецовой, бойца конной армии Буденного. Явно постановочный и потому еще более убедительный в плане агитационного эффекта «Арест са-могонщика работниками ВЧК».

Снимки из залов суда времен громких сталинских процессов. Экзасмач, выбившийся в герои соцтруда на строительстве Беломорканала; красный стяг в руках. Документальный фоторепортаж Михаила Пришвина, который, как выясняется, не только писал о природе, но и вел лишенные пейзажной прелести дневниковые записи. Маяковский, Мейерхольд, Пастернак. Горький у мавзолея (лица персональных бодигардов из НКВД на заднем плане то ли выпарапаны, то ли заштрихованы). Хрущев и Кеннеди. Смертельная давка за водкой у окошка продмага соседствует с портретом Горбачева. Необыкновенно молодежавый Ельцин образца 91-го. Сахаров. Евтушенко. Просветленный Солж. Ростропович с «калашниковым». Портреты женщины и мужчины — ровесников века. Необходимость в комментариях отсутствует: фрагмент к фрагменту, зерно к зерну.

В другом зале Малого Манежа, почти одновременно с «Жерновами истории», открылась еще одна фотосъёмка. На ней — работы Тины Модотти, итальянской коммунистки, работавшей в двадцатые годы на советскую разведку. Она как раз и есть то самое зернышко, угодившее промеж жерновов жестокого XX века. Как наша шпионка она жила в Мексике, но на выставке — не военные объекты, запечатленные ее камерой, а простые люди и простые вещи, в которых странным образом отражается и Россия, и весь XX век. Самая известная ее фотокомпозиция — «Серп и молот». Рядом и другие: «Гитара, патронташ и серп», «Мужчина, грузящий бананы», «Женщина с расписной миской на голове». Станным образом эта выставка перекликается с «Жерновами истории», и, наверное, я — не единственный посетитель Малого Манежа, которому показалось, что если вынести из галереи все живописные и скульптурные работы и объединить две фотовыставки в одну, то получилось бы интересней. Вот вам, дескать, молот, вот вам серп, а вот вам и обильная жатва, перемолотая в пыль нашей безумной красной мельницей.

Иван ФЕДОРОВ,
Сергей СИНЯКОВ